

ДЖОН ХИГЛИ,

профессор Техасского университета в Остине (США)

ЯН ПАКУЛЬСКИЙ,

профессор Тасманийского университета (Австралия)

Смена элиты и лидеров в либеральных демократиях¹

Abstract

The authors make an attempt to describe and explain the power relationships in a society. At the outset they emphasize that the way in which leaders and elites affect each other is a knotty problem in political analysis. If a shift toward more forceful leaders is occurring in liberal democracies then a comparable shift in elites must also be occurring. From the essential principles underlying Vilfredo Pareto's, Max Weber's and other well-known elite theories, the authors intend to explore the thesis that this is a time of increasingly forceful leaders embedded in more aggressive, tightly organized, and mutually antagonistic elites in at least some liberal democracies. Upon this basis the researchers examine elite and leadership changes that appear to be impelled by extraordinary conditions during the past twenty-five years.

В 1980-х годах, с приходом к власти Маргарет Тэтчер, Рональда Рейгана и Гельмута Коля, в либеральных демократиях произошел ощутимый сдвиг в характере и стиле политического лидерства. Имеется в виду появление лидеров, менее склонных проводить политику компромисса и консенсуса и более предрасположенных к безапелляционным действиям, подкрепленным силой

¹ Доклад представлен на 4-м международном семинаре “Стратегические элиты и расширение Европейского Союза: реакции и перспективы стран Восточной Европы — нечленов ЕС”, проходившем в Киеве 6–7 октября 2006 года под эгидой Академической сети по изучению стратегических элит при поддержке Британской академии, Посольства США в Украине и Федерации работодателей Украины (координатор семинара — О.Д.Куценко).

или угрозой ее применения. Эти лидеры занимают свои посты в исполнительной власти в результате все более плебисцитарных предвыборных гонок, в ходе которых прославляются их якобы выдающиеся таланты и выпячиваются предполагаемые недостатки их оппонентов. Находясь на посту, они сосредоточивают управление государством в основных органах исполнительной власти в ущерб законодательной ветви и бюрократии и распоряжаются властью гораздо более безнаказанно, чем их предшественники. Этот сдвиг не является универсальным для всех либеральных демократий, и в тех странах, где он проявился наиболее явно, он был отнюдь не линейным, отмеченным спадами и подъемами. Однако тенденция к появлению более решительных и твердых лидеров (или, по крайней мере, считающихся таковыми) очевидна: Джордж Буш-младший и Тони Блэр, Дзюньхиро Коидзуми и Сильвио Берлускони, Джон Говард в Австралии и Андерс Фог Расмуссен в Дании. Такого рода примеры могут явить нам и Хосе Сапатеро (Испания), Стивен Харпер (Канада) и Ангела Меркель (Германия). Кроме того, стоит обратить внимание на стремление сильных личностей к национальному лидерству в других странах: Николя Саркози и Жан-Мари Ле Пен во Франции, Карл Хаген в Норвегии, в свое время Йорг Хайдер в Австрии и насильственно устраненный Пим Фортайн в Голландии. Хотя такой ярлык может показаться чересчур драматичным, “цезареподобные” лидеры, приходящие к власти в результате плебисцита, формируют тенденцию, в чем-то напоминающую европейскую политику в межвоенные десятилетия [19–21; 26].

Однако заметным сдвигом в характере и стиле политических лидеров дело не ограничивается. В сложной структуре либеральных демократий лидеры являются частью политических элит, от которых существенно зависит их эффективность. Это небольшие группы занимающих ключевые посты людей, способные организованным образом регулярно и существенно влиять на политические результаты [13, с. 5–8]. Лидеры с имиджем сильных личностей в существенной мере являются порождением элит — это кони, которых те приводят к власти. Имидж Рональда Рейгана как решительного лидера изначально был делом рук калифорнийской пиар-фирмы, и на протяжении всего пребывания на посту президента его лидерство оставалось тщательно отрепетированным и разыгрываемым носителями власти, которые о политике и повестке дня знали гораздо больше, чем Рейган мог бы себе представить [4]. Точно так же дело явно обстоит и с Джорджем Бушем-младшим, который, будучи не от мира сего, но при этом принадлежа к известной фамилии, является марионеткой в руках неоконсервативной элиты, выдвнувшей его с политически безопасного поста губернатора Техаса, дабы проторить себе дорогу в исполнительную власть [16]. В некоторых ситуациях основным источником ауры сильного лидера могут быть шатания в рядах оппозиционной элиты. Маргарет Тэтчер, никогда не набиравшая большинство голосов, своим имиджем лидера обязана по большей части хаосу, переживаемому элитой лейбористской партии, равно как и имидж Тони Блэра во многом определялся скитаниями элиты тори по политической пустыне.

Разумеется, изучение способов влияния лидеров и элит друг на друга является одной из узловых проблем политического анализа. Мало кто станет отрицать, что это влияние обоюдное: лидеры движут элитами и определяют их ориентацию, но без власти и влияния этих элит лидерам мало что удастся сделать. Очевидно также, что взаимоотношения между лидерами и элитами могут сильно различаться. Некоторые лидеры, как Рейган и Буш,

оказываются не более чем “человеком-вывеской” для сформировавшихся групп элит. Однако другие лидеры, такие как Тони Блэр и Джон Говард, диктуют свою волю возглавляемым ими элитам. Во всех странах лидеры действуют в рамках норм и структур политики элит, при этом те либо дают лидерам широкую свободу маневра, либо жестко ограничивают их. Например, в США в настоящее время значительная часть политической элиты готова привлечь Джорджа Буша-младшего и его мандаринов из Белого Дома и госсекретарей к ответу за нарушение норм, касающихся компетенции президентской власти и превышение единоличных полномочий. Помимо норм — будь то слабых или жестких — лидеры должны противостоять элитарным структурам, которые могут быть вполне консолидированными либо разобщенными. Многочисленные исследования показывают, что в либеральных демократиях элитарные структуры образуют довольно широкие круги и сети политического влияния и личных знакомств, связывающие тысячи высокопоставленных фигур в политике, государственном управлении, бизнесе, профсоюзах, СМИ, в различных группах интересов и т.п. Такие сложные и обширные элитарные паутины, как правило, препятствуют лидеру по собственному усмотрению выполнять свои политические задачи.

Подобные размышления наводят на мысль, что если, по крайней мере, в нескольких либеральных демократиях происходит сдвиг в сторону более жестких лидеров, то должен иметь место и соответствующий сдвиг в элитах. Мы намерены рассмотреть тезис, согласно которому в определенных либеральных демократиях приходит время все более сильных лидеров, связанных своими корнями со все более агрессивными, тесно сплоченными и взаимно антагонистическими элитами. Это исследование мы проводим, исходя из позиций В.Парето и М.Вебера. В частности, мы используем обсуждение Вильфредом Парето того, как лисам подобные элиты, управляющие “демагогическими плутократиями”, уступают место элитам-львам и более жесткому правлению [см.: 22], вместе с тем соотнося его с утверждениями Макса Вебера о том, что “лидерской демократии” (*Fuhrerdemokratie*) для ее поддержания требуются харизматичные лидеры [см.: 31]. Учитывая философские расхождения между Парето и Вебером, попытка синтеза их взглядов может показаться проблематичной, хотя уже отмечалось, что оба эти теоретика, будучи современниками, вели “незаявленный диалог” [28, с. 225–249]. Оба рассматривали политику применительно к элитам и лидерству, изучали и диагностировали одинаковые тенденции в Европе (и, в меньшей степени, в США) в первые бурные годы XX века, не питали иллюзий насчет демократии и считали ее функционирование невозможным без эффективных элит (Парето) и харизматичных лидеров (Вебер). Несмотря на различие философских обоснований — позитивизм у Парето и неокантианство у Вебера — содержание их политического анализа было взаимодополняющим. Парето отмечал у политических лидеров проявления всех возможных фобий и глупостей, поэтому считал более продуктивным сосредоточиться на обобщении психосоциальной физиогномики и диспозиций элит. Вебер, как следует из его концепции “лидерской демократии”, считал харизматичных лидеров-государственников жизненно необходимыми и мало внимания уделял характеристикам элит в целом. Парето по большей части игнорировал социально-исторические и институциональные контексты, в которых действуют элиты, в то время как Вебер придавал этим контекстам большое значение. Тем не менее, видение Парето в сочетании с Веберовым отображает вертикальные аспекты демокра-

тий. Мишенью Парето были недостатки и неудачи элит, а Вебера заботили качества лидеров в эру политики, основанной на парламентаризме и массовых партиях. И оба пытались обрисовать изменения в элитах и лидерстве, которые должны или могут произойти.

Их видение образует платформу для изучения изменений в элитах и лидерстве, которые, судя по всему, были вызваны экстраординарными условиями последних двадцати пяти лет. В общем и целом, это распад Советского Союза и вызванный этим виток глобализации; обострившаяся в последнее время угроза со стороны терроризма; огромное количество мигрантов, стремящихся в страны Запада из государств, уже рухнувших или близких к этому. Во-первых, падение Советского Союза привело к почти всеобщему признанию трех принципов: ценности частной собственности и нерегулируемого капиталистического рынка; верховенства всенародно избираемых правительств; необходимости либеральных свобод, воплощаемых в неограниченном распространении информации. Но искреннее принятие этих принципов привело к дезориентации элит и лидеров в либеральных демократиях, к появлению нереалистических ожиданий касательно возможных достижений во внутренней и международной политике. Во-вторых, призыв терроризма поощряет более решительную политическую борьбу с нулевой суммой выигрыша участников, особенно в сфере национальной безопасности. Широкое освещение террористических угроз, сопровождаемое изображением возглавляемых США вторжений в Ирак и Афганистан как части “глобальной войны с террором” не на жизнь, а на смерть, используется агрессивными элитами и жесткими лидерами для завоевания поддержки со стороны населения, дезавуации политических конкурентов и оправдания необходимости чрезвычайных полномочий для противостояния внешним и внутренним врагам. В-третьих, миграции миллионов людей из стран, переживающих упадок, все чаще рассматриваются как угроза социальной и политической интеграции стран с либеральной демократией, куда и направляются мигранты. Технологии мгновенной всемирной коммуникации и быстрых перемещений также являются ключевыми аспектами глобализации, способствуя развитию у мигрантов транснациональной идентичности, что оставляет неясной перспективу их приверженности идеалам принявшей их страны. Эмигрантские общины, воспринимаемые как полулояльные или даже нелояльные, способствуют росту поддержки среди населения восходящих элит и лидеров, обещающих применение жестких нелиберальных мер к этим общинам, закрытие государственных границ для нелегальных мигрантов и вообще существенное сокращение приема мигрантов.

Эти три условия оказывают мощное центростремительное воздействие на политику в либеральных демократиях. Наш перечень нельзя назвать исчерпывающим. Сюда также можно добавить призраки пандемий и глобального потепления, неустойчивость нефтяных и потребительских рынков наряду с нарастанием проблем с трудоустройством и экономическими последствиями старения населения. Наше утверждение заключается лишь в том, что центростремительное давление, обусловленное, в первую очередь, вышеперечисленными условиями, является основной причиной интересующего нас изменения моделей элит и лидерства. Они усиливают разногласия в политике стран с либеральной демократией, способствуют концентрации исполнительной власти и благоприятствуют появлению львиного типа жестких лидеров. Будет уместно напомнить здесь одну из сентенций Парето

то: “Когда доминируют центростремительные силы, центральное правительство будет призвано способствовать этому. Если обстоятельства, когда бы то ни было, складываются благоприятно для этой центростремительной фазы, то либо уже существующее центральное правительство, либо новая по форме и содержанию центральная власть рано или поздно должны самоутвердиться” [23, с. 47].

Элиты и лидеры

Мы знаем, что В.Парето и М.Вебер считали правление элитаолигархий неизбежным для любого общества, независимо от формы, которую принимает правление. Известное утверждение Парето гласит, что “везде существует правящий класс... Существует ли всеобщее избирательное право или нет, в любом случае правит именно олигархия” [см.: 22]. Известны также слова Вебера: “Политическая активность всюду определяется принципом малых чисел — то есть небольшие лидирующие группы имеют более высокую политическую маневренность. В густонаселенных государствах этот элемент цезаризма неустрашим” [см.: 31]. Тем не менее, оба верили, что различные варианты элит и лидеров соответствуют различным типам политических режимов. Парето описывал правящие элиты в “демократических плутократиях” — как он жестко именовал парламентские демократии — как представляющие собой широкий альянс политиков-лис и своекорыстных “дельцов”, которые, прибегая ко всяческим сделкам и ухищрениям, не допускают к власти альянс скорее львиного типа политиков и “рантье”. Парламенты, утверждает Парето, — это арены, на которых доминирующий альянс лисиц и дельцов прокручивает махинации, необходимые для того, чтоб удержаться при власти. Аналогично, Вебер изображал раннюю Веймарскую демократию и большинство других демократий своего времени как фактически “безлидерные”, где члены парламентов на своих выборных постах заняты хаотичным торгом по поводу секториальных интересов.

Оба ученых сходились на том, что описываемая ими ситуация не может существовать сколь угодно долго. Парето верил, что махинации, за счет которых альянс лисиц и дельцов удерживается у власти, в конце концов подорвут экономику и фискальную способность государства, открывая путь для прихода к власти оппозиционного альянса львов и рантье [23, с. 71; см. также: 6, с. 80–81]. Однако доминирование последних в конце концов оказывается настолько жестким и принудительным, что провоцирует новый кризис, способствующий возвращению к власти альянса дельцов и лисиц. Так и развивается современная история, бесконечными циклами смены правления лисоподобных и львиного типа элит. Вебер был не столь пессимистичным фаталистом. Он искал путь спасения “массовой демократии” от самой себя. Исходя из того, что любая такая демократия с необходимостью является “лидерской демократией” [14], он предполагал, что в “неординарных ситуациях” харизматичные лидеры, не ограничивающиеся узкими интересами одного сектора и искренне пекущиеся о государственном благе, могут преодолеть рамки правления профессиональных политиков, живущих “за счет” политики и всегда выюющих собственные гнезда. В том случае, если они выбираются непосредственно, а не утверждаются парламентом, такие лидеры, живущие “ради”, а не “за счет” политики, будут использовать свою харизму и “демагогию” для создания массовых движений своих последователей и приверженцев, что по-

зволит им отстаивать национальные интересы и цели. В результате образуется “плебисцитарное”, или демократическое “лидерство”, которое Вебер считал единственной стабильной формой массовой демократии [2, с. 264–267].

Естественно, все изложенное выше представляет собой лишь краткую выдержку из комплексных и тонких исследований Парето и Вебера. Но их изыскания достаточно хорошо известны большинству исследователей элит и лидерства, чтобы необходимость в последующей экзегезе отпала [см., напр.: 2; 6; 7; 8; 24; 25]. Однако полезно будет сделать некоторые уточнения. Во-первых, метафорическое деление элит на “лисиц” и “львов”, предложенное Парето, противоречит любой типологии, основывающейся на декларируемых элитами идеологических пристрастиях. Парето отбрасывал идеологии как “деприваты” — рационализации в сочетании с риторическими приемами — и вместо этого привязывал свою классификацию к, как он считал, более глубоким и базовым психологическим предрасположенностям (“рудиментам”), формирующим принципы правления элит. Львы, обнаруживающие остаточные проявления “группового выживания”, жестки, упрямы и агрессивны; они не гнушаются прибегать к насилию, чтобы прийти к власти и удержать ее, обычно артикулируя и представляя свои действия в терминах массовых этнонациональных и религиозных движений. Лисы хитры, умны и коварны; они действуют не силой, а умом, прибегая к манипуляциям и дипломатии, и артикулируют и представляют свою власть в терминах экономического процветания и показной преданности тем или иным интересам народа. В отличие от идеологических пристрастий, которые у элит часто меняются, эти предрасположенности и склонности остаются неизменными, как и соответствующие им стили лидерства. Лисы никогда не рычат, а всегда ведут себя хитро и скрытно. Львы никогда не прячут гриву и не пытаются отрастить пушистый хвост, полагаясь лишь на свою силу и страх.

Как мы уже отмечали, для Парето смена элит всегда имеет циклический характер: лисы сменяют львов, затем новые львы сменяют лис [см.: 22; 23]. В пределах одного цикла центробежные силы децентрализируют власть, что играет на руку склонным к оппортунизму и хитрым элитам, умеющим соединить разрозненные фрагменты власти ради своего восхождения и правления. В другом цикле центростремительные силы приводят к рецентрализации власти, что на руку агрессивным и жестким элитам, умеющим пользоваться властью единолично. Каждый цикл неизбежно завершается, поскольку каждый тип элит несет в себе характерные дисфункции, приводящие к нестабильному состоянию “неуравновешенности”. Львы терпят неудачу, поскольку преувеличивают эффективность силы, и, когда ее использование превышает допустимые пределы, лисам удается переиграть их. Но с течением времени лисы становятся все более мягкими и нерешительными (“гуманными”), что позволяет выжидающим в засаде львам воспользоваться этими слабостями. Степень глубины и насильственного характера различается от общества к обществу, а также изменяется во времени в пределах одного общества. В общем случае львы приходят на смену лисам и утверждаются в результате резкой смены власти; лисы приходят к власти, постепенно внедряясь и распространяясь на занятой львами властной арене. Если львы приходят на эту арену извне, захват власти принимает форму революции. Если же они вытесняют лис изнутри, путем фракционной политики, они приходят к власти не столь резко.

В своем зародыше теория циркуляции элит (которую Парето скорее подразумевает, нежели детально формулирует) напоминает теорию зависимости политических изменений от предшествующего пути развития. Парето, очевидно, полагает, что причины каждого цикла смены элит связаны с проблемами (неуравновешенностями), накопившимися в предыдущем цикле и из-за явных недостатков элиты, находящейся при власти. Промахи лис в силу их чрезмерной склонности к обману и скрытности в духе Макиавелли открывают дорогу прямолинейным львам с их схваченными Гоббсом преувеличенным упором на принуждение и силу. Подобная циркуляция может быть обусловлена не только упадком элит, но и остро асимметричными “рудиментарными” настроениями правящей элиты и масс — в этом случае смена цикла зачастую имеет революционный характер — или же менее ярко выраженной асимметрией настроений в самой элите — в этом случае смена цикла, скорее всего, будет происходить более мирно. Циклы элит также имеют тенденцию соотноситься с экономическими или культурными потрясениями: господство львов и их союзников рантье совпадает с периодами экономического спада и возрождения национализма и религиозности; восхождение лис и дельцов — с периодами экономического процветания и секуляризма. Это скорее следствие особенностей элит, связанных с зависимым от прошлого развитием, чем конструкция, обусловленная “обстоятельствами/условиями” [30, с. 68; см. также: 25, с. 57–63].

Типы элит, выделенные Парето, никогда не проявляются в чистом виде и никогда не действуют изолированно друг от друга. Доминирование каждой из них — всегда вопрос степени. За спиной каждой находящейся при власти львиной элиты находится лисья, выжидающая, когда дисфункции и ошибки львов создадут политическую брешь, и наоборот. Поскольку такие дисфункции и ошибки неизбежны, ни львы, ни лисы не имеют неотъемлемых преимуществ. Находясь при власти, и те, и другие деградируют, и именно поэтому, считает Парето, правление элит редко стабилизируется на сколь-нибудь продолжительное время¹. История — это не только кладбище сменяющих друг друга элит, но и сцена, на которой непрестанно разыгрываются чередования стилей и колебания. Этот циклический и циничный (но реалистичный?) взгляд на историю сформировал сильный подход в противовес оптимистическим либерально-демократическим сценариям прогресса и, конечно, стал фундаментальной риторикой для марксизма.

Хотя Вебер излагал свою концепцию “лидерской демократии” и, как он полагал, альтернативного ей более харизматичного и плебисцитарного “демократического лидерства” фрагментарно, его анализ позволяет нам понять социоисторический и институциональный контексты, в которых происхо-

¹ Парето и его интеллектуальные соратники Моска и Михельс делали ударение на важнейшей сугубо личной потребности элит во власти, дающей им гарантированное психологическое удовлетворение и социальную защиту. В борьбе за власть элиты схожих типов поддерживают друг друга, и эта взаимная поддержка, скорее по расчету, в силу заинтересованности во власти, нежели в силу идеологических предпочтений, увеличивает их шансы на успех. Иначе говоря, первоочередным интересом элит является удержание власти, а не продвижение интересов какой-либо общности вроде класса или этноса, и не реализация идеологической программы. Элиты, отбрасывающие или умаляющие значение превратностей власти, становятся жертвами более жестоких или более хитрых оппонентов.

дит смена лидеров. По Веберу, харизматичное лидерство “всегда является результатом неординарных, в частности политических или экономических, обстоятельств” [см.: 31]. Это кризисные ситуации или внезапные и чрезвычайные события, вызывающие массовый подъем, волнения и ожидания, что завершается “капитуляцией перед героизмом” [см.: 31]. Эти переходные ситуации или события предшествуют более стабильным формам власти, но пока они сохраняются, переход происходит весьма напряженно. Тогда появляется харизматично-плебисцитарное лидерство как “важнейший переходной тип” власти [31] — своего рода временное пристанище на пути от харизматичного доминирования к рационально-правовым формам, которые, в конце концов, должны принять стабильные политические институты в современных обществах. В условиях массовой демократизации, в частности прямого избрания политических лидеров путем массового голосования, харизматичное и плебисцитарное лидерство может возникнуть и благодаря народному признанию (выборам) и народному доверию. Тогда лидеры будут действовать “от имени народа” и легитимировать свои решения в терминах “воли народа”. Эта “воля народа” пробуждается и культивируется посредством прямых призывов со стороны лидеров и используемой ими демагогии [31, с. 241–271, 1111–1155].

Как отмечает Вебер, харизматичное и плебисцитарное лидерство распространяется и на штат служащих лидера, которых можно рассматривать как окружающую его элиту. Служащие поклоняются лидеру (харизматичный принцип) и нежатся в лучах доверия к нему масс (плебисцитарный принцип). Эту штатную элиту, которую зачастую составляют доверенные лица лидера, нельзя просто интегрировать в иерархическую структуру власти, поскольку основы ее власти находятся вне институциональной сферы. Таким образом, вместо интегрированной иерархии харизматичное и плебисцитарное лидерство, как правило, проявляется в централизованных и автокефальных формах власти и размытости компетенции штатной элиты. В этой ситуации ведущие фигуры из круга элиты, осуществляющей исполнительную власть, не могут контролироваться партиями или парламентами и не могут быть смещены без согласия лидера. Их политическая судьба определяется доверием к ним лидера и “верой народа”, а не их административной компетентностью.

По мнению Вебера, прокладывая дорогу личностям, сильным в демагогии, а не просто одаренным ораторам вроде юристов, плебисцитарный принцип отвечает тому “типу личности, который производит наибольшее впечатление, обещает больше всех либо использует в борьбе за лидерство самую эффективную пропагандистскую методику” [31]. Таким образом, при плебисцитарном лидерстве политики демонстрируют свои эмоциональные и иррациональные проявления, что вообще типично для харизматично-управляемых режимов, и противятся совещательной выработке политики и долгосрочной рационализации. Однако харизматично-плебисцитарное лидерство не препятствует дальнейшему переходу к более рациональной, упорядоченной и работоспособной “демократии лидеров”. Произойдет этот дальнейший переход или нет, а также как скоро, зависит от установления функционального разделения власти и формирования сильной партийной машины, которая становится локусом политической приверженности и мобилизации народной (электоральной) поддержки.

Согласно Веберу и, как тонко подмечает Андраш Коросеньи (2005), в исправно функционирующей демократии лидеров харизматично-плебисцитарный лидер может быть изолирован от непосредственного публичного давления и быть подконтрольным некоторому коллегиальному органу. Лидер и окружающая его штатная элита навязывают себя людям, но их политический успех зависит от победы на конкурентных выборах, где они должны доказать свою способность заручиться массовой поддержкой. Эта поддержка одновременно размыта и персонализирована. Политические оппоненты используют в своих манипуляциях риторику и имидж, чтобы добиться поддержки, инспирировать личную лояльность, управлять общественным мнением и вызвать доверие, особенно в переломные моменты электоральных баталий. Другими словами, народная поддержка является продуктом политического процесса, а не обобщения на более высоком уровне уже существующих в низах интересов и взглядов [14, с. 365]. Если харизматичному лидеру-государственнику удастся воспользоваться риторикой и имиджем, чтобы получить поддержку, ему достаются доверие народа, лояльность и уважение. Потребность масс в лидерстве удовлетворена, доверие масс завоевано и, что самое главное, создана и поддерживается аура ответственности. Это, в свою очередь, позволяет лидерам работать с парламентскими коллегами и проводить «непрерывную и непротиворечивую политику» [см.: 31].

Парето и Вебер имели возможность непосредственно наблюдать за политикой своих стран, Италии и Германии соответственно, и вообще за развитием событий в Европе в ранние годы XX века. Тяжело переживая политические потрясения в Италии после Первой мировой войны, закончившиеся в 1922 году «Маршем на Рим» под предводительством Муссолини и его чернорубашечников, Парето отождествлял рвущихся к власти фашистов со львами. Изначально именно на них он возлагал надежды на возрождение Италии, хотя и осознавал, что фашисты — это ультра националисты, вступившие на политическую арену извне, а значит, скорее всего, они должны прийти к власти революционным и насильственным путем; что они цинично используют обстановку социального, экономического и политического кризиса, и на их направленные против оппонентов репрессии невозможно смотреть без содрогания. В относительно короткий срок (уже после смерти Парето в 1923 году) Муссолини и его элита установили диктатуру, проявляя большую агрессивность, коррумпированность и грубую силу, ранние признаки которых Парето, лежа на смертном одре, осуждал в своем политическом завещании. Вебер, лишь незадолго до его смерти в середине 1920-х годов, говоря об уже тогда ставших очевидными разрушительных для Германии последствиях Версальского договора, полагал, что авторитарное наследие его страны, политический экстремизм, отсутствие в данный момент лидера среди бюрократии и разочарование масс обязательно приведут к «полярной ночи ледяной тьмы и невзгод», если только не появится харизматичный и достаточно демагогичный лидер, который сможет увести страну с этого пути [цит. по: 1, с. 2370–2371]. Им оказался, естественно, Гитлер, пришедший к власти как «фюрер», в подражание титулу Муссолини «дуче». Приход к власти этих двух лидеров и их элит вызвал протолывинный сдвиг в стилях правления в странах Европы и регионах западного полушария, докатившийся даже до Австралии в виде зарождающегося фашистского движения «Новая Гвардия» [17; 20; 26].

Мы обратились к этой знакомой всем истории для того, чтобы показать, насколько воинственность и жестокость фашистов/нацистов дискредитировала, так сказать, имидж элит львиного типа и харизматичных лидеров. За политику террора, военные преступления и исповедуемый ими расизм и ультра национализм фашисты/нацисты с их львиными повадками заслужили всеобщее презрение и ненависть. Их печально известная агрессия и последующее поражение во Второй мировой войне положили начало сдвигу в типах элит и лидеров, приходивших к власти в послевоенных либеральных демократиях.

Элиты и лидеры после Второй мировой войны

Парето и Вебер жили в тех странах и в то время, когда конфликты элит и соперничество между лидерами были, впрочем, как и всегда, в значительной мере неконтролируемыми. После национальной унификации в Италии и в Германии глубокая идеологическая пропасть и взаимное недоверие разделили оппозиционные лагеря элит. У них были фундаментальные расхождения во взглядах на политические институты, на которые опирались их новые национальные государства, и они, в зависимости от их конфликтующих позиций и оснований, стремились защитить или свергнуть существующее правительство. Одним словом, наиболее известные Парето и Веберу элиты были глубоко разобщенными. Конечно, в Италии два лагеря элит — правые монархисты и левые республиканцы — объединились в 1876 году в ходе известного процесса “transformismo”, но рамки его оказались слишком узкими, чтобы охватить набирающую обороты мобилизацию крестьян и рабочих, страдавших от тягот индустриализации и возглавляемых формирующимися элитами католического и социалистического толка, которым не досталось места в объединенной элите, а значит, и доли в “пироге” политического режима [5]. Борьба элит за власть, обострившаяся после внешнеполитических поражений, например в Ливийской войне 1912 года, становилась все более взрывоопасной в преддверии Первой мировой войны и в послевоенные годы, а после убийства лидера социалистов Джакомо Маттеотти в июне 1924 года и ухода депутатов-социалистов из парламента привела к установлению фашистской диктатуры. В Германской империи авторитарное правление Бисмарка, его преемников и связанных с ними элит удержала крышку кипящего политического котла. Но имперский режим был объектом нещадной критики со стороны элит, возглавлявших буржуазию и рабочие организации и движения, и в “безлидерской” Веймарской республике, свидетелем создания которой был Вебер, крышку, в конце концов, сорвало.

Разобщенность, характерная для итальянских и немецких элит, наблюдалась и почти во всех других европейских странах (а также странах Латинской Америки) как до, так и после Первой мировой войны. Исключение составляли Британия, Нидерланды, Швеция и Швейцария, где базовое “консенсусное” объединение доселе разобщенных элит произошло гораздо раньше и в совершенно уникальных условиях: в Англии это “Славная революция” 1688–1689 годов; в Голландии — объединение элит провинций ради освобождения от испанского колониального гнета в конце XVI века; в Швеции — конституционная революция 1809-го; в Швейцарии — единение элит после непродолжительной гражданской войны 1847–1848 годов. В политическом плане эти четыре страны под управлением стабильных либеральных

олигархий представляли собой заметное отклонение от общеевропейской картины, где тон задавали непреодолимые расколы элит и нестабильные, главным образом авторитарные режимы [13, с. 33–54]. Таким образом, Парето и Вебер извлекали уроки главным образом из конкретной модели взаимоотношений элит — модели разобщенности — и непредсказуемости лидеров и режимов, порождаемых ею.

Интересно порассуждать о том, как изменилось бы видение Парето и Вебера, знай они больше о модели консенсусного объединения элит. В этой модели обширные сети коммуникации и влияния интегрируют соперничающие фракции и лидеров, разделяющих основные принципы касательно большинства норм политического поведения и роли большинства существующих политических институтов. Фракции элиты и лидеры доверяют друг другу, негласно сотрудничают с целью сдерживать взрывоопасные конфликты и борются за политическую власть сравнительно умеренными методами. Явным признаком консенсусно объединенной элиты является распределение власти, а основным выражением этого выступает периодическая, мирная смена исполнительной власти, характерная для либеральной демократии [13, с. 8–15]. Восхищение Парето политикой, практикуемой швейцарскими элитами, и восхваление Вебером лидерской роли Уильяма Гладстона в британской политике свидетельствуют об осведомленности данных мыслителей о том, что элиты не всегда и не везде столь ограничены, как описываемые Парето итальянские, и что “демократии лидеров” не всегда лишены дееспособных лидеров, как наблюдаемая Вебером немецкая.

Так или иначе и по той или иной причине (на чем здесь не стоит останавливаться), в период приблизительно между 1950 и 1980 годами объединенные на основе консенсуса элиты и необходимые для этого либеральные демократии сформировались во всех западноевропейских странах, где элиты долгое время оставались разобщенными (подр. см.: [13]). Начинают преобладать политические практики элит лисьего типа и относительно прозаичных лидеров. Правительственные, деловые и профсоюзные элиты заключили трехсторонние соглашения, образовав неокорпоративистские кондоминиумы [27], и государственную власть стали использовать как инструмент на принципах регулирования и всеобщего благоденствия для расширения социальных прав — практика, скорее негласно, чем в открытую, принятая всеми основными лагерями элит. Элиты и лидеры практически всех политических мастей проповедовали веру в то, что деятельность каждой (за некоторыми исключениями) социальной группы приносит пользу всем остальным. Соответственно, каждая группа заинтересована в сотрудничестве с другими в рамках взаимодействия социальных и политических институтов. Это чувство общих социальных интересов, ограничивающих интересы отдельных индивидов в той мере, что об этом легко договориться, было настолько широко распространено среди элит и лидеров, что стало модным говорить о “конце” идеологии. Начался период политической борьбы между “шилом” и “мылом” в условиях экономического развития — “безмятежные годы”, продолжавшиеся до нефтяных потрясений и стагфляции поздних 1970-х [10]. Если бы Парето видел это, он счел бы, что перед ним живое воплощение его анализа “демагогической плутократии”, тогда как Вебер, возможно, пересмотрел бы свои представления об устойчивости демократий под эгидой малохаризматичных лидеров, наблюдая ситуацию в Западной Германии при Аденауэре, Эрхарде и их преемниках на посту канц-

лера; в Италии времен Фанфани, Моро и дальнейших манипуляторов; в Норвегии и Швеции под руководством таких отцов нации, как Герхардсен и Эрландер; в Великобритании, возглавляемой скучными, но добивающимися своего Макмилланом и Вильсоном; в США во времена бесцветного президентства Эйзенхауэра и хитроумного президентства Джонсона и Никсона; игры в стулья, которую практиковали взаимозаменяемые лидеры ЛДП в Японии — и этот список можно продолжить. С другой стороны, Вебер мог бы счесть яркой иллюстрацией своего анализа лидерской демократии харизматичного Шарля де Голля, спасшего Францию от лишения лидера Четвертой Республики.

Практики достижения консенсуса на основе взаимодействия между основными секторами, утихомиривания малообеспеченных посредством материальных субсидий, откупа от других недовольных групп и управления общественным мнением через все более могущественные СМИ оказались настолько успешными в третьей четверти XX века, что стали восприниматься как естественная или, по крайней мере, нормальная форма политики в условиях либеральной демократии. В те годы мало кто задумывался над тем, что сочетание современной организации и развития технологий может привести к образованию такого социального порядка, при котором станет сложно поддерживать разумный уровень вовлечения населения в те сферы деятельности, которые все остальные воспринимали бы как вклад в общее благо (однако см.: [9]). Впрочем, с конца 1970-х годов практики лисьего типа элит и хитрых, хоть зачастую и бесцветных лидеров, постепенно подрывались проблемами или, как сказал бы Парето, “неуравновешенностями”: неспособность политики всеобщего благоденствия сдержать рост социально дезорганизованного андер-класса, структурную безработицу, непреодолимую экономическим подъемом; высокие уровни инфляции, вызванной дефицитным финансированием войны во Вьетнаме и нефтяными ультиматумами ОПЕК; снижение фискальной и регулятивной способности государства; распространение “узкоспециализированных” партий и изменчивых избирателей, что внесло свою лепту в падение некоторых коалиций элит, скрепленных неокорпоративистскими пактами.

Эти проблемы-неустойчивости широко освещались в СМИ и критических исследованиях, ставивших под сомнение эффективность, а подчас и легитимность, находящихся при власти лидеров и элит — в частности, правление Джимми Картера и его администрации, премьерство “Солнечного Джима” Каллагана в Великобритании, канцлерство Гельмута Шмидта в Западной Германии. Негативная реакция набирала силу, и народную поддержку получали поборники более жесткой линии. Экономический рационализм и принцип невмешательства в его новом прочтении, которые предоставляли людям свободу тонуть или плыть самостоятельно, стали фешенебельными в первую волну распространения более жестко ориентированного правления. Тэтчер развернула откровенную военную экспедицию против Аргентины на Фолклендских островах и “поставила на место” прежде неуязвимый профсоюз шахтеров. Элита, окружающая Рейгана, сделала то же самое с профсоюзом авиадиспетчеров, начала массивное наращивание вооруженных сил, вооружила и профинансировала повстанцев-муджахединов для противостояния Советской оккупации Афганистана и антисандинистских “борцов за свободу” в Никарагуа и продемонстрировала неприкрытую враждебность к Советскому Союзу как “империи зла”. Коль решительно

действовал при объединении Германии, возглавил усилия по заключению положившего начало ЕС Маастрихтского договора, а его правительство открыто поддержало распад Югославии и убрало ограничения на размещение вооруженных сил Германии за границей.

Поскольку крах советского коммунизма в 1989–1991 годах вполне можно представить, как бы там ни было на самом деле, победой Рейгана, Тэтчер и Коля, он закрепил сдвиг в сторону более жестких элит и лидеров. В США требования придерживаться жесткого рыночного рационализма и приструнить правительство, “оседлавшее народ”, стали теми лозунгами, которые в 1994 году принесли республиканцам под предводительством самопровозглашенного “революционного” лидера Ньюта Гингрича контроль над Конгрессом. Якобы недалекое снижение военных расходов США после распада Советского Союза стало сигналом к объединению уже полностью сформировавшейся агрессивной неоконсервативной элиты (см., напр.: [11; 15]). Эта элита взяла на вооружение тактику “цель оправдывает средства”, что вскоре стало очевидным в процессе импичмента Клинтона. Когда эта элита, скрывавшаяся в тени Джорджа Буша-младшего, не смогла выиграть президентскую избирательную кампанию 2000 года с ходу, она цинично воспользовалась электоральным зазором во Флориде, чтобы получить ключи от Белого Дома из рук дружественного большинства в Верховном Суде. Дональд Рамсфельд и другие ведущие представители этой элиты тотчас же стали обсуждать, пусть и тайно, необходимость устранения режима Саддама Хусейна в Ираке [29, с. 80–82]; вице-президент Дик Чейни незаметно сконцентрировал в своем офисе беспрецедентную в истории США исполнительную власть; а лидеры этой элиты в Конгрессе в связке с лоббистами интересов бизнеса с вашигтонской “Кей-Стрит” начали всестороннюю дерегуляцию энергетики, коммуникаций, финансов и других важнейших сфер экономики. В течение 2001 года, в особенности после 11 сентября, обозреватели американской политики поняли, что к власти пришла бескомпромиссная элита. Одновременно с этими изменениями в США в Японии в апреле того же года премьер-министром стал Дзюньитиро Коидзуми; в мае к власти в Риме пришел Сильвио Берлускони; месяц спустя Тони Блэр был переизбран на второй срок практически под всеобщие овации, а в ноябре Джон Говард, умело сыграв на страхах перед террористами и ордами ищущих пристанища мигрантов, добился третьей, безоговорочной победы на выборах в Австралии.

Оценка нынешних элит и лидеров

На заре нового столетия ориентации и альянсы элит стали гораздо сложнее, чем в пору “безмятежного” XX века. Речь идет о международных картелях элит — экономических, политических, военных и информационных, а между их национальными составляющими царит взаимная поддержка позиций и политики каждого члена. Позиционирование элит в этих картелях столь же важно, как и позиционирование в разнообразных властных играх на национальном уровне. Лидеры национальных составляющих картелей часто консультируются друг с другом, свободно заимствуют друг у друга политический репертуар и поддерживают друг друга во времена кризисов и предвыборных кампаний. Электронные СМИ в режиме non-stop стимулируют политическую борьбу, которая приобретает скорее стилистический, нежели сущностный характер. Призывы к избирателям делают основной упор на

личность и имидж лидеров, а не на их политические платформы, и нацелены на завоевание народной поддержки в краткосрочной, а не долгосрочной перспективе. Однако масштабы этих изменений сложно оценить, поскольку они происходили постепенно и по большей части внутри самих элит.

Тем не менее, в некоторых наиболее значимых либеральных демократиях на сцену выходят все более львиного типа элиты и более жесткие лидеры. Ярким примером тому являются притязания на геополитическую гегемонию Америки, озвучиваемые бушевской элитой. Для этой элиты характерны явные признаки львиного подобию, к каковым относятся образующие ее ядро приверженцы силы сродни Вулкану, спартанский напор, концентрация исполнительной власти и бескомпромиссность в действиях [12; 18]. Усилия правящих элит и лидеров Японии и нескольких европейских стран по борьбе с экономической стагнацией и безработицей также носят скорее агрессивный и силовой характер. В Японии, например, Коидзуми и его соратники положили конец пятнадцатилетнему периоду дефляции, разжигая национализм и укрепляя военную силу, и вырвали экономическую политику из долгой зависимости от “железного треугольника” бюрократов, бизнесменов и ставленников ЛДП. Меркель в Германии и де Вильпен с его тенью Саркози во Франции пытаются действовать весьма жестко для снижения уровня безработицы, особенно среди молодежи. В страхе перед угрозой терроризма после 11 сентября правящие элиты почти всех стран увеличивают численность служб разведки и безопасности для пристального наблюдения за массами, в первую очередь за сообществом мусульман-иммигрантов. Взгляните на то, как администрация Буша проводит секретный и незаконный мониторинг телефонных звонков и электронной почты предположительно 45 миллионов жителей США, а также секретную проверку международных трансфертов банковских фондов множества резидентов. Или же на то, как правительство Блэра в августе 2006 года осуществляло мониторинг и слежку за двумя десятками резидентов в Великобритании, предположительно причастных к планам подрыва самолетов, следующих в США. Прибавьте к этому предоставление правительствами стран Европы своих аэропортов и воздушных пространств в распоряжение ЦРУ для секретной перевозки похищенных подозреваемых в терроризме с целью заключения их в тюрьмы или “выдачи”.

Приход к власти “львов” проявляется и в других моментах. Тони Блэр и его окружение, жестко борясь против давних принципов лейбористов, добились для центра исполнительной власти Великобритании увеличения ресурсов и эффективных механизмов проведения политики [3], торговали пэрством и почестями ради взносов в избирательную кампанию и предоставили деловым фирмам выгодные возможности для инвестиций в государственный сектор. Как и в случае бушевской элиты, большинство представителей элиты из окружения Блэра, составляющего ядро исполнительной власти, пришли на государственные посты, не продвигаясь по партийной или парламентской лестнице, а из исследовательских центров, пиар-компаний, бизнеса и т.п. Блэр и его заместители пошли на участие во вторжении в Ирак, несмотря на отставку двух министров и громогласную оппозицию в парламенте, со стороны лейбористской партии и среди граждан Британии. В Австралии Джон Говард и окружающая его штатная элита, схожая по своему происхождению с элитой Блэра, с готовностью присоединились к коалиции по вторжению в Ирак, несмотря на громкие протесты в парламенте и среди населения. Элита Говарда дважды участвовала в рискованных воору-

женных миротворческих миссиях в Восточном Тиморе, высаживала войска на Соломоновых островах, наносила упреждающие удары по лагерям террористов в Юго-Восточной Азии и, проводя разнузданную кампанию, явно направленную на подстегивание страхов избирателей, добилась трех переизбраний. В Италии Сильвио Берлускони и окружавшая его элита четыре года жонглировали парламентом и судебной системой, имели практически монопольный контроль над телевидением и, вслед за элитами Буша, Блэра и Говарда, послали войска в Ирак, несмотря на шумные протесты общественности. В Дании, где обеспокоенность населения проблемами иммиграции, как правило, оттесняла внешнюю политику на второй план, правительство Андерса Фога Расмуссена сократило количество беженцев наполовину, заплатило беженцам из Афганистана, чтобы они вернулись домой, и ограничило въезд мусульманским религиозным деятелям еще до стремительного подъема антииммигрантской Народной партии с ее требованиями еще более жестких мер. Как показало шестилетнее пребывание Дональда Рамсфельда на посту главы Пентагона, ведущие представители элиты, ответственные за политические катастрофы, неподконтрольны парламентам или партиям и могут быть смещены лишь вышестоящим политическим лидером.

Однако следует спросить себя, не является ли этот натиск более львиного типа элит и жестких лидеров всего лишь краткой вспышкой на экранах радаров либеральных демократий. Не совершаем ли мы ошибку, принимая вполне нормальные трансформации власти, возможно, более резкие в связи с возрастанием ныне центристских сил, за коренные и долгосрочные перемены в моделях элит и лидеров? В конце концов, многое указывает на то, что высокомерие и просчеты бушевской элиты привели к катастрофическому перенапряжению военной мощи США и подорвали притязания США на геополитическую гегемонию. Есть также много признаков глубокого разочарования политической элиты США в целом по поводу развития событий в Ираке и Афганистане, совершенной некомпетентности администрации Буша в реагировании на последствия урагана «Катрина» в 2005 году в Новом Орлеане и нечистоплотных и трусливых сделок между союзниками из числа бушевской элиты и разного рода клиентурой. Если по результатам промежуточных выборов в ноябре 2006 года демократы вернут контроль над Конгрессом, вполне вероятно, последует политический паралич нынешней элиты, и что бы там ни было, Буш, Чейни и их ближайшие помощники лишатся своих постов в конце 2008 года, оставив своим преемникам неподъемные платежи по счетам за масштабный ремонт военной техники и зияющий провал фискального дефицита. Еще раньше свои лондонские посты покинут Тони Блэр и его окружение. Сильвио Берлускони, по крайней мере, на данный момент, отстранен от власти в Риме; в сентябре 2006 года оставил пост премьер-министра Японии Дзюньитиро Коидзуми; федеральные выборы 2007 года в Австралии определенно будут последними для Джона Говарда. Хотя переизбрание Андерса Фога Расмуссена в 2005 году в Дании стало первым повторным избранием лидера датских либералов в истории, его партия, как и оппозиционные социал-демократы, потеряла часть голосов и мест, уступив их своим антииммигрантским и консервативным соперникам, поэтому возникают сомнения в политическом доминировании Расмуссена. Посмотрим, смогут ли Стивен Харпер и Ангела Меркель и их исполнительные элиты действовать силовыми методами и при отсутствии строгого парламентского контроля. При описании борьбы элит и лидеров за

президентскую власть во Франции невозможно обойти без определений вроде “неопределенности” и “непредсказуемости”. В общем и целом, рассматриваемые нами модели неоднозначны и могут оказаться скорее эфемерными и мнимыми, нежели фундаментальными и долговременными. Тем не менее, они дают основание для некоторых заключительных суждений.

Выводы

Во-первых, сегодняшние, казалось бы, более львоподобные элиты и жесткие лидеры довольно смиренные по сравнению со своими предшественниками в межвоенной Европе. По существу изучаемый нами сдвиг очень мало напоминает революционные изменения, происходившие в то время. Это различие, по крайней мере частично, предвосхитил Парето, утверждая, что глубокие и жестокие смены элит происходят исключительно в результате войн или других по-настоящему взрывоопасных кризисов. Хотя вполне можно допустить, что военные неурядицы в Ираке и Афганистане могут привести к масштабному кризису в США, до сих пор и здесь, и где бы то ни было смена элит и лидеров происходила более или менее постепенно в кругах элиты каждой страны и, в общем и целом, в соответствии с установленным порядком, без явного ущерба для либеральной демократии. Но рассмотренные нами современные элиты и лидеры, хоть и смиренные по историческим меркам, облачают свои действия в одеяния национализма и популизма и представляются борцами за моральные устои в своей “вотчине”. Они изображают террористические угрозы установившемуся образу жизни столь серьезными, что требуется безотлагательное применение жестких упреждающих мер, которые по большей части не могут стать достоянием гласности из соображений “безопасности”. Массовой поддержки избирателей они добиваются за счет ежедневных и тщательно продуманных выступлений в СМИ, где клеймят своих оппонентов как трусов, лишенных патриотизма.

Во-вторых, как было сказано вначале, сдвиг в элитах и лидерстве наблюдается не во всех либеральных демократиях. В Европе его признаки проявляются гораздо слабее и не так определено, как в США, Австралии и, пожалуй, Японии, где на смену Коицзуми пришел Синдзо Абэ, жесткий националист и экзальтированный паломник храма Ясукуни. Однако следует помнить, что изменения в межвоенной Европе тоже были отнюдь не однородными и продолжались более двух десятилетий. Муссолини и его фашисты захватили власть в 1922–1924 годах, Сталин пришел к власти в 1928–1929 годах, Гитлер и нацистская партия — в 1933 году, тогда же, когда Салазар установил в Португалии режим “Нового государства”. Год спустя Дольфус взял под контроль Вену, а в 1936 году Метаксас — Афины. Лишь после гражданской войны в Испании сумел консолидировать свой режим Франко. В то же время во Франции, странах Бенилюкса, Скандинавии и англо-американских демократиях такой основополагающей межвоенной смены элит и лидеров не происходило, хотя некоторые из них, например Бельгия, были очень близки к этому. Другими словами, нынешний сдвиг не намного более разнородный — хотя, вне всякого сомнения, менее отчетливый — чем межвоенный.

В-третьих, тот факт, что данный сдвиг в какой-то мере является побочным продуктом событий в США, вносит искажения в нашу картину. Влияние, или, если угодно, “гегемония”, США приводит к тому, что агрессивные действия бушевской элиты приводят к аналогичным действиям в других

странах. Так, правительства, возглавляемые Блэром, Берлускони, Говардом, Расмуссеном и Хосе Марией Азнаром (Испания), как и правящие элиты и лидеры большинства стран Восточной Европы, присоединяются к иницилируемой элитой Буша военной интервенции в Афганистан и Ирак. Они делают это как из соображений поддержания своих альянсов и торговых отношений с крайне важными для них США, так и полагая, что их собственная безопасность требует столь дорогостоящей интервенции. Аналогичным образом и наступление на эмигрантские общины, в среде которых могут скрываться очаги терроризма, оказывается, хотя бы отчасти инспирированным разведывательными службами США. В общем, можно задаться вопросом, не является ли наблюдаемый нами сдвиг по большей части лишь отражением процессов в США.

Еще один связанный с этим вопрос состоит в том, не являются ли события в США — приход к власти и деятельность элиты Буша — отклонением или флуктуацией, которая вскоре сойдет на нет. Несмотря на горы литературы, посвященной изучению бушевской элиты, однозначного ее понимания нет. В частности, решение напасть на Ирак продолжает ставить в тупик тех, кто попытался изучить этот вопрос, находясь вне элитарного круга посвященных (см., напр.: [11]). Террористические атаки 11 сентября, которые были главным оправданием Иракской кампании в глазах населения, не изменили международное положение США ни на йоту. Как и возглавляемый Джимми Дулиттлом воздушный налет на Токио в начале 1942 года, захваты пассажирских самолетов 11 сентября для дальнейшего их использования в качестве управляемых ракет, следует признать, оказались практически невозпроизводимыми и, сколь бы драматичны они ни были, забрали гораздо меньше жизней, чем 17 000 убийств и 40 000 автокатастроф, происходящих в США ежегодно. Но если акция возмездия против аль-Каиды и покрывавших ее афганских талибов представляется действительно оправданной и политически целесообразной, то решение о вторжении в Ирак оказалось либо ошибкой на почве мегаломании и исторического просчета касательно способности США установить “свободу и демократию” там, где ее никогда не было, либо частью гораздо более масштабной, хоть и столь же сомнительной, секретной стратегии, цель которой — превратить Ирак в военный плацдарм, могущий сделать Ближний Восток безопасным для поставок нефти и для Израиля. Как бы то ни было, результатом этого стало столь очевидное исчерпание кредита доверия и даже легитимности бушевской элиты, что она все больше теряет свою роль маяка для элит и лидеров других либеральных демократий. В свете этого можно сказать, что начавшийся было в США подъем львоподобных элит и жестких лидеров идет на спад.

Тем не менее мощные центростремительные силы в либеральных демократиях остаются и, скорее всего, будут нарастать. Элиты и лидеры чувствуют, что это требует более прямолинейных и жестких ответных мер. При лидерах, которые могут оказаться скорее суррогатными, нежели истинно харизматическими, либеральные демократии все равно будут иметь более плебисцитарный характер. Завоевание поддержки посредством эмоциональной и иррациональной риторики и тщательной проработки имиджа лидера останется в силе. За этими внешними атрибутами вполне могут скрываться более львоподобные элиты, извлекающие политические дивиденды из союза с обширным и обеспеченным классом плутократии. Нам еще предстоит увидеть, насколько сильными и энергичными окажутся эти элиты; на-

сколько выше, чем опыт и умный совет, они будут ценить лояльность; насколько резко они будут централизовать исполнительную власть в руках единиц и, таким образом, насколько они будут подвержены ошибкам, перегибам и новому проникновению лис.

Литература

1. *Antonio R.J.* Max Weber // The Encyclopedia of Democracy. — S.l., 1995.
2. *Beetham D.* Max Weber and the Theory of Modern Politics. — S.l., 1985.
3. *Burch M., Holliday I.* The Blair Government and the Core Executive // Government and Opposition. — 2004/2005. — 39. — P. 1–21.
4. *Cannon L.* President Reagan: The Role of a Lifetime. — N.Y., 1982.
5. *Cotta M.* Elite Unification and Democratic Consolidation in Italy: An Historical Overview // Higley J., Gunther R. Elites and Democratic Consolidation in Southern Europe and Latin America. — Cambridge, 1992. — P. 146–177.
6. *Femia J.* Against the Masses. — Oxford, 2001.
7. *Finer S.E.* Vilfredo Pareto: Sociological Writings. — L., 2001.
8. *Finer S.E.* Pareto and Pluto-Democracy: The Retreat to the Galapagos // American Political Science Review. — 1968. — 62. — P. 440–450.
9. *Field G.L., Higley J.* Elitism. — L., 1980.
10. *Field G.L., Higley J.* After the Halcyon Years: Elites and Mass Publics at the Level of Full Development // Journal of Political & Military Sociology. — 1986. — 14:1 (Spring). — P. 5–27.
11. *Fukuyama F.* America at the Crossroads: Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy. — Yale, 2006.
12. *Higley J.* The Bush Elite: Aberration or Harbinger? // The Rise of Anti-Americanism / Ed. by B.O'Connor, M.Griffiths. — L., 2006. — P. 155–68.
13. *Higley J., Burton M.* Elite Foundations of Liberal Democracy. — S.l., 2006.
14. *Korosenyi A.* Political Representation in Leader Democracy // Government and Opposition. — 2005. — 40 (3). — P. 358–878.
15. *Kristol W., Kagan R.* Rebuilding America's Defenses: Strategy, Forces, and Resources for a New Century. — S.l., 2000.
16. *Lind M.* Made in Texas: George W. Bush and the Southern Takeover of American Politics. — S.l., 2003.
17. *Macintyre S.* A Concise History of Australia. — Cambridge, 2004.
18. *Mann J.* Rise of the Vulcans: The History of Bush's War Cabinet. — S.l., 2004.
19. *Linz J.* Crisis, Breakdown & Reequilibration. — S.l., 1978.
20. *Linz J., Stepan A.* (eds.). The Breakdown of Democratic Regimes: Europe. — 1978.
21. *Lukacs J.* Democracy and Populism: Fear and Hatred. — Yale, 2005.
22. *Pareto V.* The Mind and Society. — S.l., 1935.
23. *Pareto V.* The Transformation of Democracy. — S.l., 1921/1984.
24. *Parkin F.* Max Weber. — Tavistock, 1982.
25. *Parry G.* Political Elites. — S.l., 1969/2006.
26. *Paxton R.O.* The Anatomy of Fascism. — N.Y., 2004.
27. *Schmitter P.* Still the Century of Corporatism? // Review of Politics. — 1974. — 36. — P. 85–131.
28. *Sica A.* Weber, Irrationality, and Social Order. — S.l., 1988.
29. *Suskind R.* The Price of Loyalty: George W. Bush, the White House, and the Education of Paul O'Neill. — S.l., 2004.
30. *Timasheff N.S.* The Social System, Structure and Dynamics // Pareto and Mosca / Ed. by I.H.Meisel. — S.l., 1965. — P. 63–70.
31. *Weber M.* Economy and Society. — S.l., 1978.

Перевод с английского Дмитрия Гломозды